

Моё беззаботное лето

„Здравствуй, мама. Пишет тебе твой сын Лёва. Понимаю, как сильно ты удивилась, получив бумажное письмо, а не привычное сообщение в WhatsApp, но теперь я могу писать тебе только так. Мама, ты будешь в шоке! Я сам не думал, что это возможно, но я – в летнем лагере.

Месяц назад я раздумывал над тем, как мне провести отпуск. Выбор был банальный: поехать на пляже или на даче. А на прошлой неделе ко мне подошёл Валера-камазист (водитель автомобиля КАМАЗ – ред.) и рассказал, что один предприимчивый чиновник решил открыть летний лагерь для работяг 35+, куда Валера и предложил мне поехать вместе с ним, так как у нас отпуск начинался в один день.

Сначала я подумал, что это какая-то шутка. Но потом зашёл на сайт, начитался восторженных отзывов и решил рискнуть. Мам, лагерь настоящий! Тут и домики деревянные, и клуб, и столовая, куда надо ходить строем, и отряды!

Нас с Валерой почему-то определили в отряд к малярам. Я долго ругался и просился к слесарям или, на худой конец, к шоферам, но Валера сказал, что тут ему не будет равных в домино и мы разживёмся уважением. А ещё маляры горазды на выдумку.

Наш отряд называется „Грунт-эмаль“, наш девиз: „Маляр – звучит гордо, маляр – дело чести, увидишь косяк – подкрасишь на месте!“ Нормальный девиз, я считаю. У слесарей девиз: „Зазор – не позор“. Из-за этого после первой же линейки у них со сварщиками случилась драка на футбольном поле, а водители уже третий день не могут врача пройти и не допускаются к линейкам и дискотекам из-за промилле в крови. Так что Валера был прав насчёт отряда.

День у нас начинается с зарядки. Юристы угрожали исками и требовали освобождения. У них из домика забрали все пишущие предметы и бумагу, так они углём нацарапали на бересте какую-то мудрёную петицию и теперь спят на десять минут дольше остальных (наглые морды).

Тяжелее всех на зарядке сначала приходилось крановщикам. Они всё ругались, что не понимают команды, и им пришлось выделить отдельного громогласного физрука-переводчика, который вечно нас сбивает своими „майна грузом“, „вира стрелой“!

Последний раз я занимался физкультурой двадцать три года назад. Когда я сделал наклон в широкой стойке, руки в стороны, мне показалось, что я услышал голос собственного остеохондроза. Если бы не Валера с его поясом из собачьей шерсти, я бы, наверное, не написал тебе сегодня это письмо. А так ничего. Выживших физрук поощряет бутербродами с салом.

Кормят сносно. Завтрак у всех индивидуальный. У меня, например, омлет, хлеб с маслом, капотен, омега-3 и компот из сухофруктов. Валера где-то взял пачку соли, и за нашим столом теперь всегда собирается много людей.

После завтрака – лагерные мероприятия или работа в отрядах. Сегодня, например, мы рисовали стенгазету про наш отряд. Маляры передрались за право не участвовать и кричали, что не коснутся краски даже под дулом пистолета. Они приехали отдыхать, а не вот это вот всё.

За дело взялись мы с Валерой. Я нарисовал сборочный чертёж со всеми размерами и спецификацию, а Валера раскрашивал гуашью.

Пришли маляры, посмотрели и начали критиковать. Сначала им не понравилось, в каком соотношении Валера разбавил краску, потом они принялись ругаться, что в спецификации не указан RAL цвета, потом начали указывать на подтёки. В итоге Валера взбесился и вместо стенгазеты разукрасил несколько физиономий. Нас наказали и отправили к каменщикам месить раствор. Эти товарищи даже в лагере решили подшабашить и взяли заказ на постройку КПП.

В обед Валера ушёл к водителям играть в домино, так как с малярами он всё еще не разговаривал. Я подсел к таксистам и полчаса слушал: кто сколько бы взял до города, чем газ выгоднее бензина и у кого из них круче бизнес, который они ведут в свободное от работы время.

После обеда началось тако-о-о-о-е, что у меня чуть крышу не снесло на радостях. Посреди дня, когда в городе повышается рабочий градус, начинаются ударные темпы, станки шумят, телефоны разрываются, машины снуют туда-сюда, а клиент прёт, как зубная паста из нового тюбика, мы тут пошли спать. Мам, возможно это просто слух, который пустил кто-то из отряда журналистов, но говорят, что во время тихого часа от храпа обитателей нашего лагеря происходили подземные толчки магнитудой три и три балла.

Я в жизни так не спал! У меня перестали дёргаться глаз и палец на ноге. Валеру мы не могли добудиться всем отрядом. Благо у маляров был компрессор – мы Валере щёки раздули. Смеху было! Зато он проснулся. Правда, потом он из носка вынул крестовой баллонный ключ (не знаю, как он его там спрятал) и гонялся за нами по всей территории.

После дневного сна нас снова повели есть. Меня никогда так не баловали – боюсь, что после лагеря я не смогу вернуться к привычному образу жизни.

На полдник нас угощали сгущёнкой прямо из банки (для антуража и создания атмосферы). Сварщики принесли откуда-то компактный автоген и решили разогреть свои банки. После этого случая у отделочников появился небольшой заказ на замену потолочных панелей и покраску стены, а с антуражем в лагере решили покончить раз и навсегда. Зачинщика вызвали к директору, где его уже ждали жена и тёща для нагоняя. Говорят, что в наказание его отправили вахтой на север – варить газопровод и жить в вагончике без командировочных. Слухи снова исходили из домика журналистов, но мы верим им лишь на половину.

После полдника нас повели на озеро – купаться и добывать себе ужин. Весь орешник в радиусе километра был обрублен для удочек, черви спасались бегством и пытались достичь центра Земли, но большинство из них было поймано и отправлено на рыболовный фронт, как и мотыльки, стрекозы и любая другая живность.

Лично я отправился плавать и пожалел об этом. Вода – парное молоко, но я до сих пор не могу отмыться от тех грязных слов, которыми меня покрыли сорок человек с удочками в руках.

После купания на каждой веранде были развешаны для сушки трофеи разного калибра, а по лагерю поплыл крепкий аромат, которым насквозь пропахло всё – даже цветочные клумбы теперь отдавали плотвой. У нас строго запрещён алкоголь, до ближайшего магазина семь километров. Дабы никто не сорвался, в лагере без конца дежурит бочка с квасом, и иногда проходят переклички. А ещё нас периодически обнюхивают. Наконец я понял истинную причину, по которой Валера так радовался, что нас подселили к малярам.

От нашего домика всегда профессионально разит растворителем. Поэтому мы с Валерой наслаждаемся холодненьким пивом с рыбой, пока остальные обманываются квасом.

Нашего вожатого зовут Роман Романович, мы зовём его Двойным Бакарди. Авторитетный мужик с большими усами и угрюмым взглядом. Он умеет разрешить любую проблему и конфликт в игровой форме. Причём игры всегда разные. Например, за пиво нас отдубасили ракетками для бадминтона, а за то, что мы пожаловались директору – для настольного тенниса.

Пить мы с Валерой бросили быстро, поэтому у нас образовалась масса свободного времени, которое надо было чем-то заполнить, и мы решили записаться в кружок. Для начала решили попробовать что-то попроще и пошли на керамику. Не успели мы зайти в помещение, как дверь за нами захлопнулась. Руководителем кружка оказалась соседка Валеры, у которой он когда-то на Новый год одолжил чайный узбекский сервиз, но в порыве веселья не донёс назад, разбив по дороге о голову своего двоюродного брата, что делал комплименты бывшей Валериной жене.

И вот я уже неплохо делаю ляганы (большая керамическая тарелка, в которой подают вторые блюда, фрукты, орехи или лепёшки – *ред.*), косы и пиалы, а Валера по фотографии пытается восстановить тот самый самаркандский чайник.

Вечером, после ужина, началась дискотека под открытым небом. Каждый второй подходил к диджею и уговаривал поставить музыку его юности. Через полтора часа споров, обид и драк нам включили радио и пригрозили отбоем, если не успокоимся.

Мам, мне понравилась одна девочка. Её зовут Лена, ей сорок один год. Она из отряда мануальных терапевтов и массажистов. Я всё стеснялся пригласить её на медленный танец и стоял у сцены, пока Валера не сказал, что лучше поспешить, так как футбольный матч между грузчиками и стропальщиками закончился пятнадцать минут назад и скоро возле этой барышни будет очередь из ноющих кавалеров.

Собрав волю в кулак, я пригласил её на танец. Мам, это было потрясающе, я бы хотел жениться на ней, и она, кажется, была не против. А вот её муж из отряда айтишников почему-то не возрадовался нашему возможному счастью. На завтра у нас стрелка „отряд на отряд“, и всё из-за меня. Валера сказал, чтобы я не мочил штаны раньше времени – мол, все эти айтишники в битве сплошные нули, а драться будут единицы.

Перед отбоем, лёжа в кроватях, мы слушали Двойного Бакарди, который читал нам вслух правила техники безопасности на предприятии. А после, когда все уснули, мы нагрели между ляжками зубную пасту и пошли к операторам call-центров – мазать девчонок. Меня в итоге развели и записали на какую-то консультацию в отряд косметологов, я еле сбежал, а Валера так и остался там до утра.

Мам, в лагере прикольно, я очень надеюсь, что ты приедешь ко мне на выходные и привезёшь что-нибудь вкусненькое. Желательно „Ессентуки № 17“ и сигареты, а то у нас тут их отбирают. Я буду писать тебе каждый день, так как мы подружились с одним оператором почты, и он по своим каналам как-то отправляет письма в ускоренном порядке.

Люблю, целую. Твой сын, слесарь шестого разряда, Лёва”.

Александр РАЙН.